

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья
УДК 93/94

Исторические науки

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-4\(17\)-60-88](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-4(17)-60-88)

Кампания 1794 года по умиротворению Польши в оценках А.В. Суворова

Андрей Петрович Богданов

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

bogdanovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4593-6051>

Аннотация. В статье на основе писем и документов А.В. Суворова и записей современников исследуется мотивация, замысел и исполнение похода генерал-аншефа в Литву и Польшу летом-осенью 1794 года. Доказывается, что польская кампания изначально была задумана и блестяще проведена полководцем в рамках стратегии массированного удара, лишаящего противника возможности продолжать сопротивление. В историографии кампания 1794 года представлена как цепь событий, на каждое из которых Суворов реагировал с присущим ему талантом полководца. Однако проведенное автором исследование развития его военного искусства показало, что Суворов уже с конца 1770-х годов тщательно планировал стратегию своих действий на каждом театре в рамках созданной им концепции «предпобеждения» противника. Сосредоточившись на подлинных документах и письмах полководца, мы обнаружили, что кампанию 1794 года он лично характеризовал как преднамеренный и продуманный «массированный удар». Изучение всего комплекса приказов, рапортов, отчетов, реляций

и писем полководца за период кампании приводит к несомненному выводу, что его действия были не случайны, а целесообразны именно в рамках этой стратегии. Результатом ее последовательного применения стала быстрая и решительная победа русского оружия, прекратившая грозившую затянуться на годы войну сравнительно малой кровью и установившая мир России и его союзников с оставшейся частью польского государства.

Ключевые слова: Суворов А.В., Польша, Россия, стратегическое планирование, военная кампания, историческая память

Для цитирования: Богданов А.П. Кампания 1794 года по умиротворению Польши в оценках А.В. Суворова. Россия: общество, политика, история. 2025. №4(17). С. 60-88.

HISTORICAL RETROSPECTIVE

Original article
[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-4\(17\)-60-88](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-4(17)-60-88)

Historical sciences

The 1794 Campaign for the Pacification of Poland in the Assessments of A.V. Suvorov

Andrey P. Bogdanov

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
bogdanovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4593-6051>

Abstract. Based on letters and documents by A.V. Suvorov and contemporaries' accounts, this article examines the motivation, design, and execution of the general-in-chief's campaign in Lithuania and Poland in the summer and fall of 1794. It demonstrates that the Polish campaign was initially conceived and brilliantly executed by the commander as part of a strategy of a massive strike, depriving the enemy of the ability to continue resistance. Historiography has presented the 1794 campaign as a chain of events, each of which Suvorov responded to with his characteristic military talent. However, the author's study of the development of his military art revealed that, as early as the late 1770s, Suvorov had been meticulously planning his strategy for each theater of operations within the framework of his concept of "preemptively defeating" the enemy. Focusing on the commander's original documents and letters, we discovered that he personally characterized the 1794 campaign as a deliberate and calculated "massive strike." A study of the commander's entire body of orders, reports, dispatches, and letters during the campaign leads to the undeniable conclusion that his actions were not random, but rather logically designed within the framework of this strategy. Its consistent application resulted in a swift and decisive victory for Russian forces, ending

the war, which had threatened to drag on for years, with relatively little bloodshed and establishing peace between Russia and its allies with the remaining portion of the Polish state.

Keywords: Suvorov A.V., Poland, Russia, strategic planning, military campaign, historical memory

For citation: Bogdanov, A.P. The 1794 Campaign for the Pacification of Poland in the Assessments of A.V. Suvorov. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 4(17). pp. 60-88.

Рисунок 1. Портрет А.В. Суворова, писанный Шмидтом с натуры в Праге в 1800 г., гравюра Уткина 1818²

Figure 1. Portrait of A.V. Suvorov, painted by Schmidt from life in Prague in 1800, engraving by Utkin, 1818

2 Источник: Фото в открытом доступе.

Введение

Спасение А.В. Суворовым Польши в 1794 году было одной из самых быстрых, эффективных и результативных военных операций великого полководца. Это становится особенно очевидно после внимательного рассмотрения процессов становления и развития его военного искусства на протяжении всей жизни (2). Операция по умиротворению огромной по европейским меркам страны заняла по точным подсчётам полководца 44 дня: полтора месяца от его выступления из Бреста до полной капитуляции повстанцев (10, т. III, № 425), за которой последовал знаменитый рапорт Румянцеву «Виват, Великая Екатерина! Всё кончено, сиятельнейший граф! Польша обезоружена» (10, т. III, № 427). Легко понять восторг Суворова, учитывая, что в прошлый раз он провёл в Польше, с прибытия в Варшаву в ночь на 21 августа 1769 г. до назначения на шведскую границу в октябре 1772 г., 38 месяцев, и результатами кампании не был удовлетворён (2, с. 127-185). Актуальность изучения наследия А.В. Суворова исключительно своевременна и высока: углубленное понимание военного дела, а также политико-исторического контекста того периода являются ценными как с военно-тактической, так и с государственно-стратегической точек зрения.

Материалы и методы исследования

В основе анализа лежат принципы приоритетности первоисточников (рапорты, письма, воспоминания и т.д.), а также историко-сравнительный метод исследования (в части сопоставления с предыдущими военными кампаниями Суворова), биографический метод, целью которого является выявление факторов, которые способствовали формированию его уникального стиля военного искусства, и контекстуальный подход, предусматривающий исследование внешних условий, политических, социальных и военных обстоятельств, которые окружали операцию.

Результаты исследования

В первой польской кампании Суворов, побеждая с малыми силами, создав собственную систему постов и оперативных сил для борьбы

с бунтовщиками, грубо нарушая в интересах дела границы своего района, превышая полномочия и даже (к ужасу чиновников) лишая повстанцев экономической базы, был, тем не менее, связан по рукам и ногам приказами начальства в Варшаве и Петербурге, извлекавшего, по его мнению, выгоду из продолжения польской «партизанщины» (2, с. 157-183). В 1794 году полководец решительно отрезал себя от всяких приказов «сверху», подчёркнуто (но абсолютно номинально) подчиняясь философствовавшему в Малороссии П.А. Румянцеву и только через фельдмаршала, который, не выезжая из имения, молча презирал столичный генералитет, подчинялся Петербургу. Там его скороустремительная победа и чин генерал-фельдмаршала от ждавшей результата Матушки-императрицы (10, т. III, № 440; 12, с. 151-152) вызвали «плач и скрежет зубный» (Мф 8:12), отставки «обойдённых» Суворовым генерал-аншефов (из которых А.А. Прозоровский и И.П. Салтыков получили ее в 1795 году, а Н.В. Репнин, как бы командовавший боевыми действиями в Польше, не получил), возмущения «их жен, сестёр, детей и приятелей», проклинавших выскочку (11, с. 261-262).

При видимой сумбурности событий и спонтанности действий Суворова, кампания 1794 года имела четкий замысел: сконцентрировав и подготовив превосходящие силы, нанести повстанцам ошеломительный удар, сокрушительность которого лишила бы их моральной возможности продолжать войну. Этот замысел не смогли выделить ни писавший в начале 1820-х годов о «падении Польши» в Вильно почтовый цензор Фридрих фон Смит, с трудом выбравшийся из предшествующей биографии Суворова лишь во второй (и последней) части своего труда (9), ни профессор академии Генштаба Н.А. Орлов (будущий генерал и пионер воздухоплавания), для которого штурм Суворовым Праги был одной из проходных тем (6), ни автор наиболее фундаментального дореволюционного исследования о Суворове генерал-лейтенант А.Ф. Петрушевский, просто утонувший в своих замечательных архивных изысканиях (7). Дело в том, что хотя в XIX веке и предпринимались попытки собрать и систематизировать документальное и эпистолярное наследие А.В. Суворова, сделать это удалось лишь объединёнными силами военно-исторических архивистов и историков в четырёхтомнике «Документов» в 1943-1950 годах (10) и выдающемуся филологу В.С. Лопатину, собравшему и блестяще прокомментировавшему письма Суворова в 1986 году. (11). Именно в этих изданиях вторая польская

кампания Суворова представлена последовательно и детально: 75 документов (10, т. III, № 354–428) и 35 писем (10, № 465–503) за 73 дня, считая 29 суток, которые Суворов провёл в Бресте, собирая силы. Увы, выделить замысел Суворова не удалось даже замечательному специалисту Института военной истории, доктору исторических наук И.И. Ростунову, который счёл, что Суворов, выступив в Польшу по приказу Румянцева, после ряда частных побед готов был отправиться на зимние квартиры, и только случайное пленение предводителя восстания Т. Костюшко 29 сентября 1794 года подвигло его повернуть на Варшаву (8, с. 334–342). Не ушел дальше и его коллега А.В. Шишов (15, с. 462–476). Современные же авторы частных статей о второй польской кампании Суворова увязли в острых темах зверств польских повстанцев против русских, в т.ч. членов семей военных и гражданских чинов, а также поляков и литовцев, включая священников, не поддержавших восстание, и в опровержении бесчисленных фейков о кровожадности русской армии. Здесь упрекать коллег не в чем, поскольку сам автор данной статьи также имеет опыт разоблачения наиболее гнусной клеветы в адрес русского войска, в том числе выдуманной «русским публицистом» Фаддеем (на самом деле Яном Тадеушем Кшиштофом) Булгариным, литвином, который из русской армии перебежал к Наполеону, а попав в плен и получив прощение взялся лить яд в России под видом «охранителя», сочинив даже рассказ о «резне» русскими жителей предместья Варшавы Праги от имени ... нашего офицера (1). Сегодня адекватно мыслящая публика понимает, чего стоят фейки о «преступлениях» русской армии, создаваемые на пустом месте Западом и его агентами. Намного полезней разобраться в методе, которым Суворов вернул мир нашим соседям, с маниакальным упорством забывающим свою историю, чтобы раз за разом повторять её роковые ошибки.

Рисунок 2. Гравированный портрет Ф.М. Гримма, 1813³
Figure 2. Engraved portrait of F.M. Grimm, 1813

Полководец сформулировал для потомков идею польской кампании 1794 года вполне определённо. Так, 7 марта 1800 года, вернувшись из Итальянского и Альпийского походов в Кобрин, Александр Васильевич охарактеризовал ее специфику в письме к своему, а также Екатерины Великой (4) и дюжины западных монархов давнему, с 1795 года корреспонденту (11, № 516, с. 294), в то время русскому резиденту в Готе барону Фридриху Мельхиору Гримму (11, № 684, с. 385-388). Перед тем как чётко раскрыть военную логику кампании 1799 года, в результате которой из-за предательства союзников «гора родила мышь», Суворов на французском языке, которым, как и немецким, владел в совершенстве, описал свою тактику и перешел к стратегии:

³ Источник: Фото в открытом доступе.

«Вот моя тактика: отвага, мужество, пронизательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, устав, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение.

Все компании различны между собой. **Польша требовала массированного удара** (выделено мной. — АБ), в Италии потребно было, чтобы повсюду гремел гром» (11, № 684, с. 386).

Из тактики, в которой полководец ставил на первое место дух, на второе – ум, затем – дисциплину, а целью стремительного разбития неприятеля, считавшего гуманный мир, его историками выдернуто было только точное, быстрое и сильное действие, благо оно упоминается и в «Науке побеждать». «Массированный удар» и вовсе растворился в воздухе, хотя содержание этого письма и обстоятельства его появления были отлично известны с начала XIX в. Майор С.Н. Глинка, известный публицист, издал его в 1819 году (3, с. 213-219), а адъютант Суворова действительный статский советник Е.Б. Фукс переиздал, присовокупив, что получил его от князя Итальянского, когда они оба болели в Кобрине после возвращения из похода (14, с. 654-660). Это невнимание особенно странно, потому что в конце жизни и без того громадный ум Суворова обострился до немыслимого предела. Глубина анализа ситуации и предвидения будущего с лета 1799 года в его сочинениях быстро росли, а с конца года, когда в Париже захватил власть Бонапарт, превратились в невероятно точные пророчества, от времени покорения корсиканцем Вены до похода объединённой Францией Европы в Россию (2, с. 418-440).

Стратегия ошеломляющего удара, избранная Суворовым для кампании 1794 года в Польше, была так описана полководцем его адъютанту Фуку по время Итальянского похода 1799 года: «Миротлюбивые фельдмаршалы занялись на первую Польскую кампанию устройством магазинов. План их был воевать с *вооруженною нациею* три года. Какое кровопролитие! Кто отвечает за будущее? Я пришел — и победил. Одним ударом доставил я мир и спас величайшее пролитие крови» (13, с. 44–45). Скорейшее уничтожение войны как страшного бедствия, от продолжения которого обязана защищать мирное население армия, было сформулировано Суворовым в качестве стратегической цели боевых действий именно в Польше, во время его кампании 1769—1772 годов (2, с. 157-185).

Не видя оснований не доверять собственным оценкам Суворова, замечу, что вся его скоротечная кампания в Польше является подготовкой

и нанесением именно массированного удара как единственного способа избежать долгого и ужасающего кровопролития.

Масштаб грозных событий полководец, еще в 1772 году выразивший в письме к главнокомандующему в Польше генерал-майору А.И. Бибикову «любовь к этой области» и чувство, что «не довольно послужил сему краю» (11, № 25), понял сразу же после получения на юге России известий о вероломном нападении повстанцев на русский гарнизон в Варшаве во время пасхального богослужения в ночь на 7 апреля 1794 года. Пока в Петербурге ужасались лютости расправ поляков над безоружными солдатами, женщинами и детьми, сформированная и отлично обученная за 20 лет польская армия оттеснила пруссаков короля Фридриха-Вильгельма II и русский корпус генерал-поручика И.Е. Ферзена от Варшавы, принудила войска генерал-губернатора Н.В. Репнина к отступлению в Литве и изгнала австрийский корпус генерала Гарнокурта из Люблинского воеводства.

Суворов верно оценил перспективу затяжного кровопролития, тем более что и сам имел крайне неприятные сведения из Польши, руководствуясь собственным приказом: «Командиры должны сами видеть вдаль, без зрительной трубки» (10, т. I, № 176) и «перед вашим вышним (начальником) быть остроумнее, не только в сведениях, но и в догадках» (10, т. III, № 126; 1, т. II, № 42). «В Польше начальникам нашим, – гневно писал полководец в июне 1794 года, – вместо того, чтобы быть в невежественной нерешительности и плавать в роскоши, надлежало соблюдать непрестанно бдительность, перу их сотовариществовать их мечу, и искру, рождающую пожар, последним вмиг затушить» (10, т. III, № 333). 24 июля он даже сообщал Румянцеву, что русские войска в Польше «в селениях награбленное продавать не стыдятся»; в его глазах утрата русским солдатом нравственного превосходства над противником была настоящей катастрофой (10, т. III, № 346). Не только в войсках генерал-аншефов О.А. Ингельстрема в Польше и Н.В. Репнина в Литве царило уныние и падала дисциплина, но и в умах военачальников преобладала растерянность. Президент Военной коллегии генерал-аншеф Н.И. Салтыков, царедворец, пытавшийся управлять боевыми действиями из Петербурга, писал командующим, что «теперь не время думать о победах, а нужно собрать (русские войска) и узнать, где, кто, сколько, чтобы думать и рассуждать можно было» (8, с. 333).

Рисунок 3. Портрет фельдмаршала
П.А. Румянцева-Задунайского, начало 1790-х годов⁴

Figure 3. Portrait of Field Marshal
P.A. Rumyantsev-Zadunaisky, early 1790s

У Суворова были и личные обстоятельства, способствовавшие спасению им Польши от многолетней резни. К 10 мая 1794 года испарилась перспектива войны с Османской империей (8, с. 331), план которой Суворов тщательно готовил (2, с. 319-321), а сам полководец поступил под начало командующего войсками на Юге России фельдмаршала П.А. Румянцева (10, т. III, № 317, 321), то есть остался не у дел, при строительстве некоторых укреплений на турецкой границе (10, т. III, № 322) и исполнении разовых поручений. В конце мая быстро расформировал польские войска на западной границе, в Брацлавской губернии (10, т. III, № 327, 329, 330), а уже 13 июня просил Румянцева «извести» его из «томной праздности»: «Мог бы я помочь окончанию дел в Польше и поспеть

4 Источник: Фото в открытом доступе.

к строительству крепостей!» (10, т. III, № 331). 4 июля Суворов с двумя батальонами гренадер, одним – егерей и казачьим полком двинулся на запад, к Немирову (10, т. III, № 336), 8-го подчинил себе войска Брацлавской губернии (10, т. III, № 340), 24-го вновь просил Румянцева возвратить ему жизнь солдата, а не инженера. (10, т. III, № 346) и в тот же день отправил Екатерине II прошение «уволить меня волонтёром к союзным войскам, (так) как я много лет без воинской практики по моему званию» (10, т. III, № 347). 2 августа императрица ответила отказом: «Ныне, как и всегда, почитаю вас Отечеству нужным, пребывая к вам весьма доброжелательной» (10, т. III, № 351).

Рисунок 4. Портрет Екатерины Великой, 1793 год⁵

Figure 4. Portrait of Catherine the Great, 1793

Жалобы Суворова на «праздность» были обычным делом, но к этой государыня отнеслась внимательно потому, что дела в Польше и Литве шли

⁵ Источник: Фото в открытом доступе.

из рук вон плохо. По ее разрешению Румянцев 7 августа отпустил Суворова в Литву, с ничтожными силами из 6 батальонов, 10 эскадронов и 500 казаков с 8 пушками: «Ваше имя одно ... подействует на дух неприятеля и тамошних обывателей больше, нежели многие тысячи» (10, т. III, № 354).

14 августа Суворов выступил из Немирова с 2 полками, 2 батальонами и 250-ю казаками (10, т. III, № 356), собирая отряды по пути и сколачивая из них войско (10, т. III, № 358, 360–362, 364–368). Легендарные молниеносные переходы его бойцы, как обычно, совершали на подводах, проходя в пути боевую подготовку к борьбе с мятежниками в полях, лесах, болотах и на узких улицах, положения которой Суворов изложил в развёрнутом приказе (10, т. III, № 359). Пехота училась стрелять с места на дистанции «от 60-ти до 80-ти шагов» (43–57 м. при уставном шаге в аршин), а находясь в движении, когда «стрельба напрасна, ... ударить быстро вперёд в штыки». Отрабатывались действия в строгом строю каре, колонн и линий, с быстрой меной построения применительно к противнику и местности. Решения о строе и направлении атаки принимал командир подразделения. Он «при начале боя не ожидает никакого повеления от высшего командира, не имеет времени ни о чём докладывать и только его о произошедшем извещает».

Из системы преподаваемых Суворовым команд историком выделяли «в кавалерии – руби, в пехоте и казаках – коли!», хотя она и была усовершенствована полководцем сравнительно с его рекомендациями 1788 года. (10, т. II, № 417). Кроме того, в польском походе, понимая цену промедления, он приказал сразу снимать командиров, не способных четко отдавать приказы. Особое внимание он обратил на обучение прицельной стрельбе (а против турок залпа вообще «употреблять не должно»). Причём старые три шеренги можно было для стрельбы скашивать, но ни в коем случае не ставить солдат первой линии на колени. Главное – «ни в каких построениях и в выравнивании фронта не пятиться назад. Шаг назад – смерть. Всякая стрельба кончается штыками». В каре стрельба залпами запрещалась — только прицельный огонь с фасов и от стоящих внутри егерей — потому что «каре никогда не стоит на месте!» Это строй наступления. Солдаты могут загнуть линию в каре, чтобы защитить слабую конницу от сильной кавалерии противника, но наступление должны продолжать. Колонна ещё более наступательна. В ней солдаты сразу «берут штык по-офицерски (опустив правую руку, держащую ружьё под приклад)». Суворов рекомендовал пехоте

и кавалерии выдвигаться для атаки, колоннами взводов, полудивизионов, батальонов и эскадронов, чтобы, выйдя из узких мест сразу атаковать, развернув колонны в линию без интервалов или построив две линии каре в шахматном порядке. Полевые укрепления — брать штыками в каре, крепости — «колоннами на штыках». Бить всегда следует в слабое место противника, а целью атаки считать уничтожение его главных сил. У поляков это кавалерия. Поэтому «главное правило: неприятельская кавалерия сбита, пехота его пропала». Против кавалерии — использовать свой сильный кавалерийский фланг, замкнув слабый в каре пехоты.

Выучка пехоты, с тренировкой командиров и моментальной заменой неспособных офицеров, велась в походе постоянно. От кавалерии же Суворов требовал невиданной пробивной силы, которая требовала тренировок изнурительных. Прежде, во втором походе на Туртукай, он сам признавал, что в 6-рядную колонну пехоты ни одна конница врубиться не сможет — лошади не пойдут (10, т. I, № 545). Во всех армиях были уверены, что конница не пробивает пехотный строй, не разбитый артиллерией. Такие попытки и позже, при Бородино и Ватерлоо, были провальными. Суворовские же эскадроны в польском походе обязаны были «прокалывать» всё! Здесь слова приказа Александра Васильевича выглядят фантастикой: «Наша кавалерия, когда опровергнет неприятельскую и встретит позади её линию пехоты, без малейшей остановки должна её прорубить», даже если за ней стоит третья неприятельская линия! «Когда, проколов неприятельскую линию пехоты, повстречались со скачущей на неё неприятельской конницей, то всю её так же поспешно атаковать и прокалывать! Так делать и с иными линиями». При атаке русской пехоты на польскую, увидав, что за ней в резерве есть конница, наша кавалерия должна, проскакав через свою пехоту, «сколько успеет в карьере кончить неприятельской пехоты» и «врубиться в неприятельскую конницу», «проворно на карьере» прорубать даже густую толпу неприятелей и, не теряя темпа, заново «построив свою линию», срубить всё в тылу врага.

На постоянных учениях «кавалерия, приученная к крестной рубке (на обе стороны. — А.Б.), проезжала насквозь на саблях другую линию кавалерии, или спешенной, или пехоты, под пальбой этих последних, дабы кони приучены были к огню и дыму, как и к блеску холодного оружия, а седок к стремени и поводьям». Действуя, как всеокрушающий таран, кавалерия Суворова

брала батареи и незамкнутые с тыла полевые укрепления. Лишь там, где кони не могли пройти, на штурм укреплений шла в штыки пехота. Конница добивала неприятеля, организуя преследование так, чтобы он ни в коем случае не мог построиться, сделав первое его побиеие напрасным. Пехота должна была как можно скорее, не теряя строя, следовать за кавалерией, чтобы при необходимости поддержать её.

Это касалось регулярной кавалерии, но даже казаки, появившись в тылу неприятеля, могли вызвать «большое замешательство». Именно лихой атакой с тыла следовало брать защищённые пушками мосты, плотины, тесные выходы из леса или ущелья. Вообще «всякое дефиле, ограждённое пушками», следовало «атаковать в крайности, а лучше обходить и отрезать», не теряя темпа наступления. Неприятеля, оказавшегося в тылу у русских, следовало не опасаться, а бить частью резерва или второй линии.

Темп предписанного Суворовым наступления был ограничен только необходимостью сбережения жизни солдат. Атаковать неприятеля, даже занявшего в малом числе неукреплённую деревню, он приказывал неожиданно, на рассвете или ночью, заранее окружив. Впрочем, «сюрприз – нечаянное нападение – ... у искусного военачальника бывает днём». Помимо частых строевых упражнений, приказ обязывал учиться экономить заряды, чтобы сохранять имевшиеся в подсумке боеприпасы (100 зарядов) на три дня и в атаке всегда иметь пулю в стволе. Суворов не запрещал стрелять, он требовал целиться и попадать: «Исправная стрельба в мишень великой важности: умножает гибель неприятеля и отвращает в действии лишнюю трату патронов. Здесь коннице лучше стрелять на скаку!» – Действие, требующей от всадников хорошей тренировки.

«Приказ сей да будет читан всем нижним чинам!» – передал в войска генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин, помощник Суворова при взятии Измаила и спасении Польши. «Правила на всякое приуготовление и на случай сражения от его сиятельства господина главнокомандующего предписаны. Должно их затвердить всем господам штаб и обер-офицерам и внушить нижним чинам и рядовым, чтоб каждый знал твёрдо ему предписанное». На марше из разрозненных батальонов, эскадронов и полков формировались непобедимая ударная сила. Бойцы реально учились на ходу, с примкнутыми штыками и повешенными через плечо подсумками. «Легко в ученье – тяжело в походе, – гласил приказ, – тяжело в ученье – легко в походе».

Потёмкин счел нужным своими словами пояснить пункт приказа о достойном поведении солдат в чужой стране. Суворов писал: «В поражениях сдающимся в плен давать пощаду. Во всех селениях вообще, где неприятель обороняться будет, естественно должно его кончить в домах и строениях. Крайне остерегаться и от малейшего грабежа, который в операциях есть наименее вредный! Иное дело – штурм крепости. Там, по овладении, с разрешения, сколько-то времени законная добыча, подобно тому, что до неприятельского лагеря, по его овладении». Павел Сергеевич счел, что в стране, где одни встречают русских хлебом-солью, а другие стреляют из-за угла, надо донести до солдат эту мысль яснее: «Строжайше рекомендую всем господам полковым и батальонным начальникам внушить и толковать нижним чинам и рядовым, чтобы нигде при переходе местечек, деревень и корчем ни малейшего разорения не делать. К продовольствию войск съестное будет взято по учреждению. И если выше сего сказано, чтоб мстительно наказывать военных поляков и вооружённых обывателей, то напротив того, пребывающих спокойно щадить и нимало не обидеть, чтобы не ожесточить сердца народа и притом не заслужить порочного названия грабителей».

В район Бреста Суворов привел к 6 сентября 13 тысяч бойцов. В этот день они столкнулись с 16-тысячным корпусом генерала Сераковского у Крупчицкого монастыря (сейчас деревня Чижевщина Брестской области). Сераковский, при численном превосходстве его отлично обученных сил, оборонялся. Он поставил войска спиной к каменным стенам кармелитского монастыря, имея на флангах лесистые возвышенности, а перед фронтом прикрытую пятью батареями топь. Суворов атаковал под шквалом картечи через болото, ведя за собой солдат, которые видели, что неприятель попался. Тем не менее солдаты старой коронной гвардии держались 10 часов и частью сил смогли отступить (10, т. III, № 372). Суворов догнал их только через два дня под Брестом и в труднейшей местности разбил наголову. Потеряв войско, знамена и пушки, Сераковский и его товарищ Понятовский бежали с 4 офицерами и 70 солдатами. Суворов приказал «помогать раненым полякам», а «следующие два дня пехота и казаки стреляли и кололи не сдающихся, скрытых в лесах и топких местах» (10, т. III, № 378).

Рисунок 5. Портрет генерал-аншефа Н.В. Репнина, 1792 год⁶
Figure 5. Portrait of General-in-Chief N.V. Repnin, 1792

Почти месячное стояние в Бресте полководец употребил на тренировки, побиение еще одного крупного отряда повстанцев, а главное — на сбор войск в один кулак. Русских частей и подразделений по Литве было разбросано много, а генерал-аншефов всего два — Суворов и Репнин. Поскольку последний ничего не делал, командиры должны были подчиняться не скупившемуся на приказы Суворову. Стягивая все войска к себе, полководец полностью опровергал свою же систему умиротворения повстанческих районов, разработанную им в прошлой войне. Однако к 6 октября под его началом был уже корпус в 25 тысяч солдат: основа для наступления на главные силы противника у Варшавы, безотносительно к планам пруссаков и австрийцев. «К содействиям на пруссаков надежды нет, — написал он Репнину, — австрийцы малосильны» (10, т. III, № 402).

6 Источник: Фото в открытом доступе.

15 октября Суворов достиг Варшавы, разгромив по пути 5020 мятежников при селе Кобылка, где «неприятель весь погиб или взят в плен» (10, т. III, № 400, 404). Великое множество польских войск, суммарно превосходивших Суворова в силах, сбежалось со всей страны к столице и укрылось за мощными укреплениями Праги - предместья Варшавы на восточном берегу Вислы. Там засела 26 тысячная армия, по оценке Суворова - «почти все регулярные», а всего повстанцев с оружием в Праге насчитывалось 30 тысяч (10, т. III, № 408, 408а, 423; 7). Прага была укрыта тремя линиями фортов и бастионов со 104 пушками разного калибра. Считается, что Суворов, присоединив к корпусу под командой Потёмкина корпуса Ферзена и своего старого товарища Дерфельдена, смог собрать 28–30 тысяч солдат при 86 полевых орудиях, включая 12 тысяч кавалерии.

Такое соотношение сил соответствует легенде о «Генерале Вперёд», атакующего противника без размышлений, а не реальному представлению о крайне предусмотрительном полководце, который при самом успешном наступлении помнил, что в тылу надо починить мосты. 18 октября Суворов провёл с генералами и офицерами штаба визуальную разведку Праги, в которой один из его свиты был убит и двое ранены (10, т. III, № 402, 403). Оборона поляков оказалась чрезвычайно крепкой. Вокруг русской армии полыхал мятеж. Варшавяне поддерживали бунтовщиков в Праге продовольствием, но при неудаче Суворова могли многократно умножить их ряды.

Давайте сами посчитаем, какие силы полководец на деле употребил для «массированного удара». В рапортах Суворова не указана общая численность его войск, но полностью перечислен состав 8 участвовавших в штурме Праги колонн и их резервов. В сумме это 41 батальон пехоты. Штатно батальон имел тысячу, реально – около 850 солдат и офицеров. Итого — 34850 бойцов, а с учётом солдат и сержантов полкового хозяйства — 41 тысяча. Эскадрон регулярной кавалерии насчитывал в среднем 120–150 человек. То есть 70 эскадронов, которыми располагал Суворов — это 8400–10500 клинков. Наконец, казаков было ровно 2680. Сложив эти цифры, получаем армию в 45930–48030 бойцов (при штатном составе 52080–54180 человек), не считая большой массы волонтеров, приехавших к Суворову из разных мест, даже из Петербурга, и полагая артиллеристов включенными в численный состав полков.

Даже при минимальных подсчетах армия Суворова в 45 тысяч на треть превышала максимальную численность повстанцев в 30 тысяч. Полководцу

всё-таки удалось собрать русские войска в кулак и создать решительный перевес сил. Другое дело, что в артиллерии русские уступали противнику радикально, а 35 тысяч пехоты было для штурма набитой бунтовщиками Праги явно мало. Поэтому Суворов, по его рапорту, спешил 13 эскадронов Кинбурнских и Смоленских драгун (1560–1950 палашей и карабинов. К ним при штурме присоединились 9 эскадронов Переяславских и Елисаветградских конных егерей, приученных сражаться и в конном, и пешем строю (ещё 1080–1350 бойцов). Следовательно, к 35 (41) тысячам пехоты Суворова для штурма Пражских укреплений следует прибавить 3300 спешенных конников с карабинами, палашами и шпагами. Эти 38 тысяч должны были пробить дорогу через стены и бастионы на улицы Праги, куда готова была ворваться остальная кавалерия, еще 8 тысяч бойцов.

На практике численность личного состава полков часто бывала заметно меньше штатной, особенно во время войны. Но Суворов, понеся в предшествующих боях минимальные потери (которые тщательно исчислял в рапортах), всегда особо строго следил за минимизацией небоевых потерь (больными, отсталыми, беглыми), и в документах польской кампании не отмечал значительной некомплектности подразделений. Снижать численность его войск с 46–48 тысяч до 30-ти нет оснований. Львиную их долю, оставив лишь часть в боевом охранении, полководец устремил на штурм Праги, обеспечив наступающим не только качественное, но и численное превосходство.

Качественное превосходство русского солдата в моральном духе и боевой подготовке поляки не признали бы на словах никогда, но признали на деле, спрятавшись за стенами и отказавшись от крупных операций в тылах союзных войск, которые до похода Суворова приносили им успех. Ему, между тем, надо было заново обучить армию, тренировавшуюся во время похода в полевых сражениях и штурмах легких полевых укреплений. На это у полководца была едва неделя, ведь русская армия до решительной победы находилась во враждебной стране, располагая весьма уязвимой логистикой.

Эту неделю солдаты учились работать со штурмовыми орудиями и подниматься по широким, на двоих в ряд, лестницам, «как под Измаилом». Они тренировались быстро прикрывать плетнями волчьи ямы, забрасывать ров фашинами, приставлять лестницы к деревьям и т.п. Егеря, учившиеся

прицельной стрельбе на всём протяжении похода, теперь тренировались «стрелять по головам», прикрывая штурмующих от огня (10, т. III, № 398).

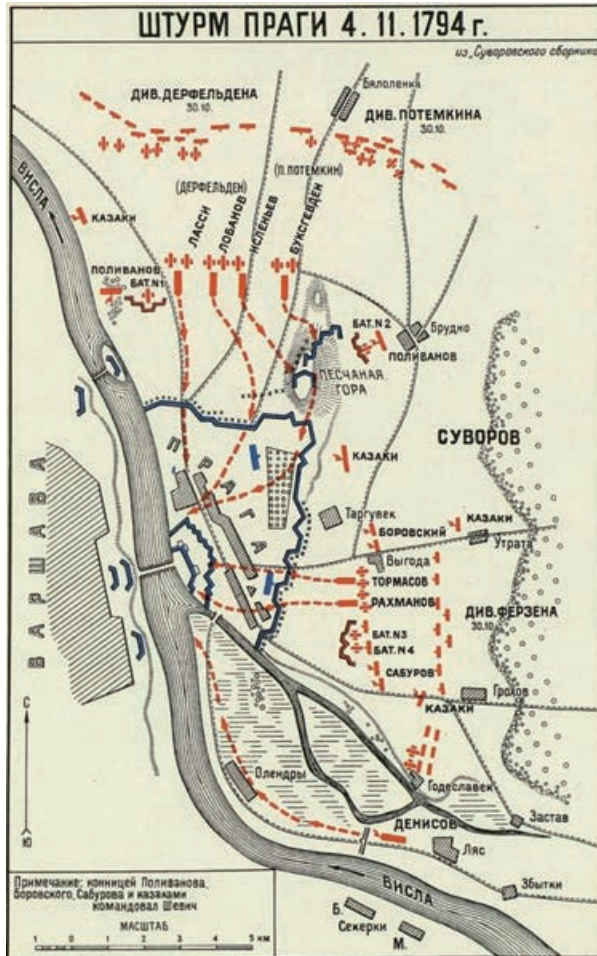
Каждый участник должен был понять, - а Суворов подчеркивал, что солдат должен не просто «знать», а «понимать свой манёвр» (10, т. IV, № 24) своё место в действиях его отряда. В двух диспозициях на штурм, объявленных каждому солдату, полководец учёл опыт взятия Измаила (10, т. III, № 405, 406). Первыми шли добровольцы-«охотники» и рабочие со штурмовыми приспособлениями. С одной стороны колонны двигались сапёры с шанцевым инструментом, с другой – меткие стрелки. Вооружены были все: «у рабочих ружья через плечо на погонном ремне». До команды «Ура!» все должны были идти молча, без выстрела. «Подошли ко рву, – ни секунды не медля, бросай в него фашинник, опускайся в него и ставь к валу лестницы! Охотники, стреляй врага по головам! Шибко, скоро, пара за парой лезь! Коротка лестница? – Штык в вал, лезь по нему, другой, третий. Товарищ товарища обороняй! Став на вал, опрокидывай штыком неприятеля – и мгновенно стройся за валом».

Суворов не сомневался в победе, но хотел спасти от разрушения не только столицу Польши, но и ее пригород. Кроме указаний на штурм, диспозиция требовала «стрельбой не заниматься; без нужды не стрелять; бить и гнать врага штыком; работать быстро, скоро, храбро, по-русски! В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолеток не трогать!» В дополнение к главной диспозиции, он приказал солдатам выучить польские слова: «згода» (мир, сдавайся) и «отручь бронь» (положи оружие). «Которые положат оружие – тех отделить: вольность, паспорта! Которые же нет – ... бить, кончать в час! ... Строго напоминаю: операцию вести быстро, удар холодным оружием, догонять, бить ... принуждать к сдаче. Дотоле не отдыхать, пока все мятежники взяты не будут».

22 октября русские войска сбили вражеские пикеты и подошли к крепости. Генералы еще раз обозрели укрепления, а ночью были построены три батареи по 16, 22 и 48 орудий. По словам Суворова, они «были построены только для того, чтобы отвлечь неприятеля от ожидания приступа». На рассвете 23-го батареи открыли огонь, «на который мятежники отвечали живо, но с весьма малым для нас уроном». Под гром пушек генералы развели войска по штурмовым колоннам. В 3 часа пополудни 24 октября

колонны выступили из лагерей. Перед рассветом, в 5 утра, была пущена сигнальная ракета.

Рисунок 6. Штурм Праги 4 октября 1794 года⁷
Figure 6. Storming of Prague on October 4, 1794

7 Источник: Фото в открытом доступе.

Штурм начался. Он опирался на опыт Измаила, но был осуществлен иначе. Колонны наносили удар в разное время. Одна выступила много раньше других, чтобы обойти Прагу и атаковать её через лес и протоку с нижнего течения Вислы. Четыре колонны ударили сразу, по ракете, а ждали, когда первые прорвут передовые укрепления и мятежники стянут силы к ним. Хотя подходы к каждой из трех линий защиты были закрыты волчьими ямами и рвами, а огонь с валов и бастионов многократно перекрывался, русские солдаты без промедлений преодолели валы и взяли вражеские батареи. Контурдари польской конницы русские принимали на штыки, не замедляя наступления. Два эскадрона Киевского конно-егерского полка, «перескакав через ров», добились конницу мятежников. Драгуны спешивались, но основная часть кавалерии пролетела укрепления на полном скаку: резервы пехоты в нескольких местах разрыли валы и засыпали рвы. По открытой дороге в город вошла артиллерия.

Суворов крайне беспокоил захват моста через Вислу, чтобы бой не перекинулся в Варшаву. Его солдаты сделали это за три часа, пройдя через набитую мятежниками Прагу. Даже многих бунтовщиков удалось спасти. Из 30 тысяч было убито 12 тысяч, более 10 тысяч попало в плен, 2 тысячи конных ускакали, остальные разбежались по домам. Русские потеряли до 300 человек убитыми и до 500 ранеными (10, т. III, № 403). Кровавый кошмар Измаила не повторился. К 27 октября Суворов рассортировал пленных. Румянцеву от отправил 101 пушку, 3 генералов, до 500 штаб и обер-офицеров и до 4 тысяч рядовых регулярных полков. Более 6 тысяч ополченцев и взятых с оружием обывателей отпустил по домам, равно как 313 освобожденных им из плена пруссаков и 63 австрийцев (10, т. III, № 408а, 414). Варшавскому магистрату предложил не капитулировать, а «дружески условиться» о мире, и отказался от контрибуции (10, т. III, № 409). «Обыватели в их особах и имениях ничем повреждены и оскорблены не будут!» – твёрдо обещал Александр Васильевич. Всем польским воинам была дарована свобода с сохранением у офицеров оружия (10, т. III, № 411).

Стремительный разгром главных сил неприятеля с минимальными потерями, - а «потеряли мы здесь вчетверо меньше, чем под Измаилом», отметил Суворов (11, № 494), - и милосердие к побеждённым полностью переменяли отношения поляков к войне. Теперь они, как и планировал полководец, дружно кричали «Виват Екатерина!». Варшавский магистрат принёс Суворову памятные дары

и вернул в целости 1400 пленных русских военных и чиновников. Восставшие возвращались в столицу «целыми бригадами, батальонами, эскадронами и ротами, слагая оружие» (10, т. III, № 412, 425).

13 ноября полководец представил Румянцеву «Окончательный журнал» действий по разоружению Польши: «Огромное ополчение польских войск и всего народа, возмутившегося силы низложены до конца. Сия дерзновенная рать, противоборствовавшая целое лето с шумом важности, ныне победоносными ее императорского величества войсками, мне вверенными, разрушена, обезоружена, обращена в ничто. Блистательное взятие Праги и истребление тут при штурме и на баталии знатнейших мятежников армии потрясло до основания все их силы. Покорение Варшавы привело их в состояние невозможности противиться победителям. Неутомимая погоня вслед за ними отправленных войск довершила последнее их уничтожение!».

Согласно рапорту Суворова, после его вступления в Варшаву в Польше оставалось 30 тысяч мятежников, 4 ноября их было 20 тысяч. Через 9 дней все они были «развезены» и сложили оружие. Солдаты и офицеры были сразу отпущены по домам. Военачальники, давшие обещание не воевать против России, могли остаться в Польше или получить паспорта на выезд за границу. «Так кампания кончена! – рапортовал Суворов. – Везде спокойно, войск польских больше не существует, только его величеству королю оставлено гвардии 600 пехоты и 400 кавалерии. Сверх того, в Варшаве 300 полицейских солдат» (10, т. III, № 431).

В рапорте Суворов подчеркивал, что операция завершилась «без кровопролития». Несколько лет спустя в Италии, разгромив иным манером лучших полководцев Французской республики за исключением Бонапарта, которого, по словам Суворова, «Бог в наказание за мои грехи послал ... в Египет», полководец говорил своему адъютанту, имея в виду распространяемые французами (которых он тоже отпускал под честное слово) измышления о его «кровожадности»: «Забавны ... те животолюбивые скрибы, которые хотят вести войну без пролития крови. И я щадил ее, где можно было. На пути к Варшаве, с 10-тысячным корпусом, обезоружил я в Белорусских провинциях 8000 поляков на пространстве 150 миль, не пролив ни капли (крови). В Варшаве поцеловал ключи города и возблагодарил Господа, что они не окровавлены, как в Праге» (12, с. 107–108). В цифрах лёгкого разговора то ли полководец, то ли записавший его слова адъютант

Фукс, не особо точны: в современном событиям рапорте Суворова у него было тогда уже 13 тысяч бойцов (10, т. III, № 372). Но очевидно, что его операция в Литве и Польше была направлена на достижение массированным ударом мира с минимальным кровопролитием.

Рисунок 7. Портрет фельдмаршала А.В. Суворова, 1799 год⁸

Figure 7. Portrait of Field Marshal A.V. Suvorov, 1799.

Обсуждение результатов и выводы

Размышляя, за что поляки так не любят Суворова, который даже в разделе Польши не участвовал (это произошло после его отъезда), хочется ответить прямо: из-за его необычайной доброты и неустанного милосердия. Он ведь даже организатора бунта 1794 года Тадеуша Костюшко П.А. Румянцеву хвалил (10, т. III, № 346). В числе пленённых Суворовым генералов был и Ян

⁸ Источник: Фото в открытом доступе.

Домбровский, освобождённый и «уволненный с паспортом в его поместье в Саксонию» (10, т. III, № 431). Встретив его во главе польского легиона в Италии в 1799 года, полководец и не подумал сердиться, что тот нарушил слово не воевать против русских, но сказал: «Ах! Как я рад. Это знакомый. В польскую войну сей мальчик-красавчик попался в полон. Я его тотчас отпустил к маменьке, сказав: беги скорее домой — и мой поклон, а не то русские тотчас убьют. Как бы я хотел возобновить с ним знакомство!» (12, с. 141–142). И разбил Домбровского за компанию с Макдональдом при Треббии. А когда поляки нашли приют в Лигурии - разбил их заодно с Моро при Нови. Поляков явно обижает столь лёгкое отношение к ним Суворова. Но он-то был уверен, что участникам бесчестного дела, вроде бунта, и нарушителям слова Бог победы не даёт.

Список источников

1. Богданов А.П. (2023), Польская кампания А.В. Суворова 1794 г.: правда и мифы [Suvorov's Polish Campaign of 1794: Truth and Myths]. Исторический журнал: научные исследования. № 6. С. 188-214.
2. Богданов А.П. (2017), Суворов. Правила военного искусства [Suvorov. Rules of Military Art]. М.: Академический проект 468 с.
3. Глинка С. (1819), Жизнь Суворова, им самим описанная, или собрание писем и сочинений его [The Life of Suvorov, as Described by Himself, or a Collection of His Letters and Works]. Ч. I-II. М.: Тип. С. Селивановского. [4], 146 с.; [8], 314 с.
4. Грот Я.К. (1879-1884), Екатерина II в переписке с Гриммом [Catherine II in Correspondence with Grimm]. Т. 1-3. СПб.: тип. Имп. Акад. наук. [2], 130 с.; [2], 300 с.; [4], 339 с.
5. Лопатин В.С. (1993), Потёмкин и Суворов [Potemkin and Suvorov]. М.: Наука. 287, [1] с.
6. Орлов Н.А. (1894), Штурм Праги Суворовым в 1794 году [Suvorov's Storming of Prague in 1794]. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. 136, I с.
7. Петрушевский А.Ф. (1900), Генералиссимус князь Суворов [Generalissimo Prince Suvorov]. Изд. 2. Санкт-Петербург: типография М.М. Стасюлевича. 716, [1] с.

8. Ростунов И.И. (1989), Генералиссимус Александр Васильевич Суворов [Generalissimo Alexander Vasilyevich Suvorov]. М.: Воениздат. 494, [1] с.
9. Смит, Фридрих фон. (1866-1867), Суворов и падение Польши [Suvorov and the Fall of Poland]. Ч. 1–2. Под ред. кн. Голицына. СПб.: Тип. Э. Веймара. XXXVIII, 362, [2] с.; [4], III, [1], 355, [5] с.
10. Суворов А.В. (1949-1953), Документы [Documents]. Т. 1–4, М.: Воениздат, 1949-1953. XLVIII, 792 с.; XXIV, 688 с.; XXVII, 676 с.; XXXII, 676 с.
11. Суворов А.В. (1986), Письма [Letters]. Подготовил В.С. Лопатин. М.: Наука. 808 с.
12. Фукс Е.Б. (1827), Анекдоты князя Италийского, графа Суворова Рымникского [Anecdotes of the Prince of Italy, Count Suvorov-Rymniksky]. СПб.: Тип. А. Смирдина. [2], XIV, 193 с.
13. Фукс Е.Б. (1811), История генералиссимуса, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского [History of the Generalissimo, Prince of Italy, Count Suvorov-Rymniksky]. Ч. 1-2. М.: Тип. Н.С. Всеволожского. [8], 187 с.; [6], 178.
14. Фукс Е.Б. (1825-1826), История Российско-австрийской компании 1799 г. под предводительством генералиссимуса, князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского [History of the Russian-Austrian Company of 1799 under the Leadership of the Generalissimo, Prince of Italy, Count Alexander Vasilyevich Suvorov-Rymniksky]. Ч. 1-3. СПб.: Военная тип. Главного штаба, 1798 с..
15. Шишов А.В. (2005), Генералиссимус великой империи [Generalissimo of the Great Empire]. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 477, [1] с.

References

1. Bogdanov, A.P. (2023), A.V. Suvorov's Polish Campaign of 1794: Truth and Myths. Historical Journal: Scientific Research. No. 6. pp. 188–214. (In Russian)
2. Bogdanov, A.P. (2017), Suvorov. Rules of Military Art. Moscow: Academicheskyy Proekt. 468 p. (In Russian)

3. Glinka, S. (1819), *The Life of Suvorov, as Described by Himself, or a Collection of His Letters and Works. Parts I–II.* Moscow: S. Selivanovsky. [4], 146 p.; [8], 314 p. (In Russian)
4. Grot, Ya.K. (1879-1884), *Catherine II in Correspondence with Grimm.* Vol. 1–3. St. Petersburg: tip. Imp. Akad. nauk, [2], 130 p.; [2], 300 p.; [4], 339 p. (In Russian)
5. Lopatin, V.S. (1993), *Potemkin and Suvorov.* Moscow: Nauka. 287, [1] p. (In Russian)
6. Orlov, N.A. (1894), *Suvorov's Storming of Prague in 1794.* St. Petersburg: Shtab voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga. 136, 1 p. (In Russian)
7. Petrushevsky, A.F. (1900), *Generalissimo Prince Suvorov,* 2nd ed. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich. 716, [1] p. (In Russian)
8. Rostunov, I.I. (1989). *Generalissimo Alexander Vasilyevich Suvorov.* Moscow: Voenizdat. 494, [1] p. (In Russian)
9. 9. Smith, Friedrich von. (1866–1867), *Suvorov and the Fall of Poland.* Parts 1–2. Ed. by Prince Golitsyn. St. Petersburg: E. Weimar. XXXVIII, 362, [2] p.; [4], III, [1], 355, [5] p. (In Russian)
10. Suvorov, A.V. (1949–1953), *Documents.* Vol. 1–4. Moscow: Voenizdat, 1949–1953. XLVIII, 792 p.; XXIV, 688 p.; XXVII, 676 p.; XXXII, 676 p. (In Russian)
11. Suvorov, A.V. (1986), *Letters.* Prepared by V.S. Lopatin. Moscow: Nauka. 808 p. (In Russian)
12. Fuchs, E.B. (1827), *Anecdotes of the Prince of Italy, Count Suvorov-Rymniksky.* St. Petersburg: A. Smirdin. [2], XIV, 193 p. (In Russian)
13. Fuchs, E.B. (1811), *History of the Generalissimo, Prince of Italy, Count Suvorov-Rymniksky.* Parts 1-2. Moscow: N.S. Vsevolozhsky. [8], 187 p.; [6], 178. (In Russian)
14. Fuchs, E.B. (1825-1826), *History of the Russian-Austrian Company of 1799 under the Leadership of the Generalissimo, Prince of Italy, Count Alexander Vasilyevich Suvorov-Rymniksky.* Parts 1-3. St. Petersburg: oyennaya tip. Glavnogo shtaba, 1798 p. (In Russian)
15. Shishov, A.V. (2005), *Generalissimo of the Great Empire.* Moscow: OLMA-PRESS. 477, [1] p. (In Russian)

Информация об авторе

БОГДАНОВ Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института Российской истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: bogdanovap@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4593-6051>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 24.11.2025. Одобрена после рецензирования: 01.12.2025. Принята к публикации: 15.12.2025. Опубликовано: 29.12.2025.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Andrey P. BOGDANOV, DSc (Hist.), Leading Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: bogdanovap@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4593-6051>

Conflict of Interest Disclosure

The author declares no conflict of interest.

Article info

Submitted: 24.11.2025. Approved after peer review: 01.12.2025. Accepted for publication: 15.12.2025. Published: 29.12.2025.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.